

Эти незабываемые беседы при ясной луне

У КАЖДОГО, наверное, есть своя настольная книга—любимый писатель, желанный собеседник. Имя автора не обязательно громкое: вас связывает родство душ и взглядов, что-то общее в унастроении... У меня всегда под рукой томик рассказов Василия Шукшина. В час досуга или минуты раздумья, когда надо о чем-то посоветоваться, я открываю его книжку и углубляюсь в чтение. В моем воображении оживают не только герои рассказов, а будто воочию вижу и автора их. Память уносит в не столь уж давнее прошлое.

...Познакомились мы с Василием Шукшиным при нескольких необычных обстоятельствах. Было это в начале шестидесятых годов в Новосибирском аэропорту Толмачево. Я возвращался из Москвы самолетом к себе на Алтай. Скоростные авиалайнеры напрямую из столицы в Барнаул тогда еще не летали: в Новосибирске пересаживались с громадины Ту на маленькие Илы и «Аннушки». И, конечно, с места-ми всегда туго, а летом, в отпускной сезон, особенно завозно. Пришлось обратиться за помощью к начальнику аэропорта.

— Ну вот, еще и корреспондент на мою голову,— устало, с некоторым раздражением проговорил он и кивнул в сторону человека, примостившегося на диване в углу кабинета:— Артиста вон тоже никак не могу отправить в Бийск. Так что вам по пути...

— Кинорежиссер я,— поправил тот. — Может быть, но я знаю вас как киноактера,— продолжал начальник.— Ума не приложу, что мне с вами делать...

Попутчику моему на вид было чуть за тридцать. Коренастый, худощавый, русоволосый парень-крепыш: типичный сибиряк. Открытый взгляд, лицо скуластое, по-крестьянски простое. В куртке-разлетайке, клетчатой рубашке, ворот нараспашку, без головного убора. Курил ватляжку «беломорину». Внешне ничем особо не примечателен—как все. Присмотрелся к нему внимательнее: вроде бы чуть знакомо лицо. Но где видел, в каком кино промелькнуло его лицо?

— Василий Шукшин,— поднявшись с

дивана, протянул он руку.—С киностудии имени Горького.

В кабинет начальника, несмотря на строгий запрет миловидной секретарши, то и дело врывались возбужденные пассажиры, требуя или упрямивая предоставить им место в самолете. Начальник, довольно учтивый человек, никому категорически не отказывал, но и ничего определенного не обещал. Точно так же он поступил и с нами. Мы с Шукшиным, устроившись в углу на правах непрошенных гостей, общались, как быть дальше. Но вот к начальнику вошла женщина в голубой летней униформе и стала жаловаться, что приходится задерживать рейсы из-за нехватки бортипроводниц.

— Слушай, а тыпеть умеешь?—неожиданно и, показавшись, с бухты-баракты спросил меня Шукшин. В хитроватом прищуре его глаз сверкнул залихватский огонек. Я недоуменно пожал плечами.—Впрочем, ладно. Леденцы будешь раздавать...

Он решительно шагнул к столу начальника и заявил, что мы готовы лететь на Барнаул вместо бортипроводниц. В конце концов—это реальный выход из положения.

— Вот артист!—добродушно проговорил начальник, дивясь находчивости Шукшина.—Ох, и ушлый народ!

— А что, в самом-то деле,—уверенно продолжал Василий.—Гарантируем сервис самого высокого уровня.

Начальник, поначалу принявший это предложение за шутку, призадумался: так эмоционально и убедительно говорил Шукшин. Связался по селектору с диспетчерской, спросил мнение пилота: тот не возражал взять нас в экипаж при условии, если люди проверенные. Мы показали свои документы, и все устроилось как нельзя лучше. Уже через полчаса мы были в воздухе, вполне достойно заменяя стюардесс: я одевал пассажиров леденцами на вилке и угощал лимонадом, а Василий вдохновенно рассказывал о родном Алтае. Микрофонов тогда не было, и он говорил, стоя в салоне между креслами, старался пересилить гул мотора. Конечно, он выступал как

артист: жестикулировал, менял голос, пользовался мимикой. Его слушали внимательно, но никто не узнал в нем артиста, ибо как артист он был тогда еще малоизвестен.

ШУКШИН выступил в фильме «Два Федора» в главной роли—это была его первая съемка в кино, и еще в двух-трех картинах исполнил эпизодические роли. А теперь он готовился к съемке своего первого фильма как режиссер и автор сценария—«Живет такой парень». В журналах и газетах появились также несколько его рассказов, обративших внимание на молодого автора. Жизненный фон, на котором разворачивается действие их героев,—Сибирь, Алтай и даже точнее можно определить: родное село Сростки.

В Барнауле самолет задержался с вылетом на Бийск из-за погоды, и у нас было время потолковать не спеша, съездить в город, чтобы посмотреть новый строящийся район. Краевой центр Шукшин знал плохо, был здесь всего несколько раз и недолго. Ему ближе был Бийск, столица Прикатунья, к которому тяготело его село. Строился Барнаул в то время бурно—в городе «посадили» несколько крупных заводов, и он расширял свои границы. Все это очень понравилось Шукшину.

— Ай да молодцы барнаульцы!—оклидывая взором пазыльные многоэтажки, приговаривал он.—Ей богу, Новосибирску нос утрут. И назвали новый район хорошо—Поток. Поточное, значит, строительство. А то куда ни приедешь—Черемушки да Черемушки...

Ему не было и семнадцати, когда покинул он родные края—уехал из деревни с Алтая: жизнь мыкала по разным городам, а потом служба в армии, учеба в Москве и вот теперь киностудия. Полтора десятка лет прошло, и, казалось бы, столичная жизнь теперь ему ближе и привычнее: круг друзей, любимая работа, семья, творческие перспективы... А Василий Макарович не просто с умирением, а с душевной тоской и привязанностью говорил о родных краях.

— Черт его знает, какой-то ненормальный я человек. Иногда так убиваюсь по родной стороне, что места себе не нахожу. Весь свет кином на Алтае сошелся, и самое яркое окошко—мои Сростки. Ностальгия... И чего бы, кажется, помнить? Военное лихолетье, холод да голод, безотцовщина, работа двуязычная... А вот поди ж ты! Нет ничего милее родного края, и краше, и святее... И фильм вот об этом задумал.

На этот раз Шукшин ехал не просто на свидание с родиной. Он хотел сам выбрать место для съемок, облюбовать натуру. Действие фильма должно происходить в основном на Чуйском тракте, в прилегающих к нему деревнях и поселках, в том числе и Сростках. Он рассказывал о шофере Пашке Колокольникове, главном герое будущей картины как о хорошем своем друге, вполне реальном человеке: рубахепарне, трудяге и мечтателе. Приглашал к себе на Катунь, хотел показать алтайские предгорья—места раздольные, удивительной красоты.

К сожалению, обстоятельства не позволили воспользоваться этим приглашением. По Горному Алтаю я путешествовал один и узнавал места, о которых так красочно рассказывал Василий Макарович. Да, он несколько не преувеличивал их достоинства. Впрочем, в этом мог убедиться теперь каждый, посмотрев кинокартину «Живет такой парень». Первый самостоятельный фильм Шукшина получил единодушное признание зрителя и сделал имя режиссера популярным. Разумеется, он был несказанно рад успеху, но не возгордился: оставался по-прежнему простым и доступным. В родную сторону его тянуло постоянно, и он приезжал потихоньку, незаметно, стесняясь своей популярности. Отказался от переключных самолетов, приезжал поездом, и мы виделись накоротке в вокзальной суете. От мимолетных разговоров в памяти осталось его искреннее удивление:

— Хоть убей: никак не пойму, как меня угораздило снять комедию. Честное слово, делал обычный фильм с романтической струей, кое-где с юморком. А получилась, говорят, комедия. Вот уж не замечал за собой такого таланта...

А ПО ЧУЙСКОМУ тракту и Горному Алтаю путешествие с Шукшиным мы все-таки совершили. Произошло это года через три после нашей первой встречи. Целую неделю провели мы вместе, и я до сих пор храню в сердце благодарность судьбе за эти дни, полные доверчивых и откровенных разговоров. Меньше всего мы обсуждали вопросы искусства, Шукшина больше интересовала конкретная жизнь, в частности, он со знанием дела и с завидной принципиальностью толковал о проблемах современной деревни. К селу он всегда был равнодушен, а тут примеривался к нему с разных сторон. Шукшина занимали не столько экономические процессы, сколько психологическая перестройка крестьянина, движение его души.

Мы остановились на Симинском перевале. Это середина Чуйского тракта, на высоте почти три тысячи метров над уровнем моря: в радиаторе закипела вода, и надо было отдохнуть машине. Огляделись. На все четыре стороны—в синеве даль сглаженных увалами гор, поросших кедром. Неподалеку поляна, как гигантский ковер, расшита живым разноцветьем, настолько ярко-переливчатая, что с непривычки резало глаза.

— Эх-ма!—воздев руки, произнес Шукшин.—Что за красотища! Сотворил же всевышний... чудо из чудес: ни в сказке сказать, ни пером описать. Душа ликовала при виде этого удивительного раздолья. Василий громко речитативом запел:

Ой, раздолье, словно песня!
Доля вольная моя!
Дивны горы в поднебесье—
Сердцу милые края!

Не знаю, был ли это экспромт, рожденный внезапным вдохновением, или есть такая сибирская песня... Мы вышли к цветочной луговине. Шукшин разулся, закатал до колен штанины и ступал, как по воде, высоко поднимая ноги, на цыпочках, ост-

рожно, чтобы не помять девственную красоту. Среди буйного разноцветья он искал особое, только ему известное растение. Наконец нагнулся и сорвал ветвистый кустик, который весь был усыпан яркими, наподобие звездочек, фиолетово-пурпурными цветками. Лицо Василия расплылось в довольной улыбке.

— Знаешь, как называется?—и, уловив сомнение во встречном взгляде, пояснил:—Левзея. Редкое растение. Водится только у нас на Алтае, и в народе ценят его не за симпатичные цветки, а за целебный корень. Много легенд с ним связано: будто омолаживает он, прибавляет сил. Недаром у горных оленей, маралов это самое лакомое растение: потому они такие сильные и выносливые. В народе так и называют корень—маралай. Или еще: корень жизни. По правде говоря, и я в него верю... Бываешь, уработаешься—мочи нет, нервы сдают. И вспомнишь о заветных корешках. Заваришь, выпьешь стаканчик настоя: как рукой все снимет и на душе полегает...

Шукшин снова вспомнил «корень жизни» в разговоре, когда мы вернулись в Горно-Алтайск. К этому времени здесь собралась вся киноэкспедиция, почти целиком занявшая единственную гостиницу небольшого городка: Василий Макарович собрался снять новый свой фильм «Ваш сын и брат», и опять в родной стороне. Ему, а также артистам Леониду Куравлеву и Всеволоду Санаеву не давали прохода. Состоялась обстоятельная беседа в обкоме партии. Но от творческих встреч на предприятиях, в учреждениях и окрестных колхозах, куда Шукшина приглашали, он отказывался: некогда! Чтобы не искушать себя, он закрылся в номере гостиницы и продолжал работать над режиссерским вариантом сценария. А встретились мы уже поздно вечером в уютном сквере перед гостиницей. Ночь была светлая. Собралось довольно много народа, и Шукшин, видимо, захотел перепроверить какие-то свои мысли в не принужденной беседе при ясной луне.

— Так почему же уходишь молодежь из деревни?—задавал он вопрос и собеседникам, и себе одновременно.—Вообще, по-

чему люди тянутся в город? Нормально ли это?

НАЗЫВАЛИ разные причины: глушь и бескультура, плохие дороги, тяжелая ручная работа, небольшой круг профессий и даже ограниченный выбор женихов и невест. Шукшин понимал кивал головой, но соглашаться не спешил.

— Если все так, то куда же идет деревня?—спрашивал он.—К самоликвидации?..

Попытались уточнить. Нет ничего плохого в том, что города растут за счет деревень: так всегда было. Но доколе? Идет стирание граней между городом и деревней.

— А я вот не согласен,—решительно заявил Шукшин.—Думаю, что поэзия на деревню валит всякие грехи. Я тоже против патриархальности, но за сельскую грань. Нельзя торопиться ее стирать. Верю: не умрет деревня, как не отойдет нужда в речке, роше, горах, луге... Нет, я все-таки за потомственных крестьян. Пусть многие останутся в деревне, но потомственные, а не временно приезжающие из города. Крестьянский корень жизни должен остаться, и никакая пересадка тут не поможет. Вот так же, как левзея—не приживается она в других местах...

— О деревне у нас любят поговорить,—замечал кто-то.—Осуждают или советуют с легкостью невероятной. Все специалисты, как в футболе. Только умалчивают, почему сами-то с поля ушли...

— Понимаю, это и в мой огород камешек,—замечал Шукшин. Помолчал, подумал и продолжал:—О деревне я всегда мыслю как о самом сокровенном и чувственную свою виноватость перед ней. Раньше по молодости—дурак был—стеснялся говорить, что я родом из деревни, чтобы простаком не посчитали. Знаю, многие так казнятся. Видно, тот самый корень не дает покоя... Жизнь сложная штука, недаром же говорят: судьба прагает человека. По настанет такой период, когда он вступает в спор с судьбой и хочет по-своему ее вернуть. Разлад с собой, поиск правды и

выбор принципиальных критериев—этот своеобразный нравственный подвиг рано или поздно совершает каждый. Для меня он—в отношении к деревне...

Разговор этот «под лунной» затянулся далеко за полночь и вылился в страстный диспут. Далеко не со всеми взглядами Шукшина можно было согласиться. Да он и сам подчеркивал спорность своих мыслей, следуя правилу: в споре рождается истина. Вел он его как художник, которому спор дает импульс для творчества.

Шукшин уже крупно заявил о себе не только в кино, но и в литературе. Все творчество его так или иначе было связано с проблемами деревни: сборник рассказов «Сельские жители» и роман «Любавины», фильмы «Ваш сын и брат» и «Печки-лавошки». В деревне он видел незамутненный народный характер, находит сложный социальный-психологический конфликт. И прямо говорил о своем корне жизни. «Всю жизнь мою несу родину в душе, люблю ее, живя ею, она придает мне силы,—признавался он.—Я запомнил образ жизни русского крестьянина, нравственный уклад этой жизни. Больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен, начиная с языка, с жилья... Я живу с чувством, что когда-нибудь вернуться на родину навсегда. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь ты счастлива, и я буду счастлив».

В ПОСЛЕДНИЙ раз мы виделись с Василием Макаровичем на Кубани, которая на многие годы волею журналистского долга стала моим местом жительства и работы. Было это весной 1974 года, когда Шукшин в перерыве между съемками фильма «Они сражались за Родину», проходившими на Дону, приехал передохнуть на Кубань. Несколько дней провел в Сочи, но отдыха не получилось: на экранах с триумфом шел

его последний фильм «Калина красная», и конечно, его всюду просили выступить. А по ночам работал—писал в гостинице. В Краснодаре прилетел уставшим и попросил хоть на денек отвлечь его, показать южный город, где раньше ему не доводилось бывать. Но и для этого никак не удавалось выкроить время—опять встречи со зрителями, интервью. Наконец после выступления в кинотеатре «Аврора» выдалось «окошко», мы прошли пешком насквозь Красную—главную улицу города, представляющую его и рабочее, и парадное лицо. Погода стояла расчудесная, все благоухало: пышно цвели на бульваре южные розы и гладиолусы, вдоль улицы—платаны и катальпы. Но Шукшин оставался равнодушен к этой красоте.

— В Сочи надоело,—пояснил он нехотя и спросил:—А помнишь левзею, там, на Чуйском тракте? Наверное, и здесь, в буйной красоте юга, есть свой корень жизни?

Что же ему показать? Знаменитые пшеничные поля, сады, огороды, горы, дубравы? Нет, все это можно увидеть и в других местах. Видимо, поняв мое затруднение, Шукшин попросил:

— А далеко тут виноградники? Как-то мельком приходилось их видеть. Вот бы в цветку на них взглянуть...

И правда: именно виноградники, как растение местности, характеризуют Кубань. Выполнить просьбу не составляло труда: через полчаса мы были уже в пригородном совхозе «Солнечный», и директор его возил нас по кружевным рядам виноградников. Ложа как раз невестилась, и скромным цветом ее Василий Макарович залюбовался. Чем-то был сродни он цветку его родной левзеи.

Возвратившись к вечеру в город, мы зашли в книжный магазин, и Шукшин купил пачку только что вышедшего в Москве его нового сборника рассказов «Беседы при ясной луне». Один из них, подаренный на память, и стал моей настольной книгой.

Евгений СОРОКИН.

Алтай—Кубань—Москва.